

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Сое)-44  
Р24

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Karen Russell

ST. LUCY'S HOME FOR GIRLS RAISED BY WOLVES

Перевод с английского *Н. Ломановой*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств  
Denise Shannon Literary Agency, Inc. и Prava I Perevodii  
International Literary Agency.

**Рассел, Карен.**

Р24 Приют святой Люсии для девочек, воспитанных волками : [сборник] / Карен Рассел ; [перевод с английского Н. Ломановой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-107358-9

Десять потрясающих историй, удивительным образом балансирующих на грани между реальностью и причудливой фантаσμαгорией.

Монахини из приюта пытаются «очеловечить» девушек, воспитанных волками, но не все поддаются перевоспитанию. А те, кто поддался, приобретают и человеческие пороки...

Ледовый дворец — единственное развлечение жителей захолустного городка. Там имеется вечернее шоу для взрослых «Метель», во время которого люди предаются самым разным, в том числе и очень опасным, играм...

Целая семья зарабатывает на жизнь при помощи борьбы с аллигаторами в тематическом парке...

Пожилой инвалид влюбляется в волонтерку...

Девочка на экскурсии застревает в гигантской доисторической раковине, в то время как начинается прилив...

Братья ищут призрак сестры, утонувшей в океане по их вине...

Десять мрачных сказок для взрослых. Десять историй об одиночестве и потерях, о жажде понимания и поиске свободы. Историй, переливающихся всеми оттенками магического реализма.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Karen Russell, 2006

© Перевод. Н. Ломанова, 2018

ISBN 978-5-17-107358-9

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

*Посвящается маме, папе,  
Лорен и Кенту.*



## *Ава борется с аллигатором*

Наш отец, вождь Бигтри, отправился на материк, оставив нас в старом доме бабушки Сотуса. Впервые мы находились на болотах одни.

— Не робейте, девчонки! — небрежно бросил он. — Кормите аллигаторов, не разговаривайте с чужими. И запирайте дверь на ночь.

Вождь, видимо, забыл, что в бабушкином доме дверь похожа на ширму и никакого замка в ней нет. Дом этот всего лишь старое проржавевшее бунгало в устье реки, где гнездятся птицы. Там одна душная комната с тремя окнами, подоконники которых засижены москитами, а жестяная крыша гулко отзывается на капли дождя. Но мне там нравится. Порывистый ветер с реки засыпает дом листьями и птичьими перьями. Когда у птиц брачный период, окна прямо дребезжат от их пылких игр.

Сейчас тонкие оконные стекла трепещут от грома, словно вошенная бумага. В шуме летнего дождя есть что-то утешительное. Я воображаю, будто в нашу крышу стучится моя умершая мать. Где-то

вдали ревет аллигатор — но явно не наш. Я нахмуриваюсь: это какой-то чужак. Все наши выведены в инкубаторе и обычно не шумят; сытые и ленивые, они лишь ворчат от скуки. А этот дикарь вопит во всю глотку. Улыбаюсь и натягиваю одеяло до подбородка. Оцеола, наверное, тоже его слышит, но не подает виду. Моя сестра лежит на кровати напротив меня. Глаза ее широко раскрыты, и она улыбается в темноте.

— Эй, Осси, ты здесь?

У моей старшей сестры в душе целые миры, но попасть в них можно не всегда — только в правильное время года и не при всякой погоде. Например, дорога туда открывается в летний дождь, в полночь, когда сестра ровно задышит, погружаясь в сон. Надо только задать нужный вопрос, перекидывая через разделяющую нас пропасть веревочный мостик, и успеть перебежать по нему, пока он не сорвался вниз.

— Осси? Мы тут одни?

Я вглядываюсь в шероховатую тьму. Вот стул, похожий на рогатого черта. Тусклый блеск террариумного стекла. Но Искусителя пока нет. Дьявольский дружок Осси еще не материализовался.

— Да, пока одни, — шепчет она.

Голос у Осси совсем не сонный. Она протягивает руку и гладит меня по плечу.

— Только мы одни, и больше никого.

Так оно и есть.

— Одни! — вместе восклицаем мы.

И я понимаю, что мы с Осси думаем об одном и том же. Кругом бескрайние болота, над которыми витают миллионы призраков, а в ветхом бунгало притаились две девочки в дурацких пижамах. Мы начинаем смеяться, радостно и немного нервно, впадая в греховное возбуждение. Обе чувствуем, что вовлекаемся в какую-то темную игру, хотя смысл ее нам пока неясен.

— А как насчет Искусителя? — чуть задыхаясь, спрашиваю я. — Ты больше с ним не видишься?

Вот черт! Опять эта загадочная улыбка, свидетельствующая о том, что Осси с грустью вспоминает те места, где я никогда не была и вряд ли когда-нибудь смогу их представить.

Осси качает головой:

— Нет, теперь это нечто иное.

— Что же? Ты больше с ним... — Я запинаюсь, пытаюсь вспомнить ее собственное выражение. — Не сбегашь? Да?

— Слышишь? — шепчет она, и глаза ее вспыхивают, как угольки в золе.

Гром стихает и лишь слабо рокочет вдали. В мокрое стекло что-то скребется.

— Он здесь.

Вообще-то одержимость Осси совсем не похожа на припадки, описанные в Библии, никаких потусторонних голосов и свиней, падающих с горы. Она не искрится и не говорит на мертвых языках. Ее дружки овладевает ею по-другому: выются над ней, проникают в уши, рот и легкие и незамет-

но растекаются внутри, как болезнь или выпитая вода. Я вижу, как сестра постепенно преобразуется, чуть виновато, но с жадной готовностью. Осси покрывается испариной, тяжело дышит, зажимает рукой рот, в то время как другая ее рука исчезает под одеялом. Потом она чуть слышно стонет.

А вокруг меня сплетается причудливый клубок из страха, изумления и злости, опутывающий все мое детство. Дальше, совсем близко от меня, происходит нечто совсем непонятное, неосязаемое, однако вполне реальное. Призрак уже здесь. Я это точно знаю, потому что моя сестра исчезает: она покидает свое тело, и я остаюсь в комнате одна. Искуситель — самый похотливый из дружков Осси. Он проникает в нее, вворачиваясь между ее ногами, и заставляет сестру корчиться и дергаться под одеялом. Последнее время это происходит каждую ночь, и я не в силах остановить его. «Убирайся вон, Искуситель, — мысленно кричу я. — Возвращайся в свою могилу! Оставь мою сестру в покое...»

И тут ее кровать, вся во власти нечистой силы, начинает раскачиваться из стороны в сторону.

Я очень беспокоюсь об Осси. Если во время грозы начинает мигать свет или на пол падает тарелка, это означает, что ее мерзкий дружок посылает ей привет. Ветер, раздувающий волосы Осси или раскачивающий ветки — как бы «валентинка» от ее возлюбленного. А кто в это время рубит головы вонючей жратве для аллигаторов? Кто сти-

рает все белье в Бигтри и чистит зубы гипсовому аллигатору? Я, кто же еще. Осси уже шестнадцать лет, она старше меня на четыре года, да к тому же на голову выше. Однако всю работу делаю почему-то я. Наверное, это награда за мои способности. Перед отъездом вождь оставил за главную именно меня.

Нашей семье принадлежит «Болотландия!» — островной тематический парк аллигаторов и кафе, хотя в последнее время дела у нас пошли под гору. Вы можете видеть нашу деревянную вывеску, свисающую с огромного дерева на автостраде: «Приходите посмотреть на нашего Сета, зубастого морского змея и древнего ящера-убийцу!!!» Всех своих аллигаторов мы зовем Сетами. Вождь говорит, надо соблюдать традиции, потому что раскрутка нового стоит денег. Когда была жива моя мать, всем тут заведовала она. Выполняла всю грязную работу: забивала дубиной больных аллигаторов, заправляла топливом катера, умерщвляла кур. Я даже не подозревала об этих темных сторонах нашего бизнеса. И уверена, что Осси до сих пор находится в неведении. Оцеола не должна заниматься тяжелой работой. «Твоя сестра особенная», — часто повторяет вождь. Но я не понимаю его логики. Я тоже особенная. У меня имя-перевертыш. Я могу лазить по деревьям, как обезьяна, с бешеной скоростью потрошить рыбу. Однажды дедушка Сотус развел челюсти дохлого Сета, и я засунула голову в его вонючую глотку.



В «Болотландии!» есть только два занятия, которых я избегаю: подвешивать куриц по «Четвергам живых кур» и выволакивать аллигаторов из воды. Это означает, что я не могу участвовать в соревнованиях или выступить с сольным номером. Но я не настолько тщеславна, чтобы зря рисковать, и до сих пор отказываюсь лезть в воду. Да к тому же мне сил не хватит вытащить аллигатора на берег. Представление у нас самое простое: главный исполнитель, обычно наш отец, входит в воду и с разными ужимками преследует Сета. А потом вытаскивает на берег за хвост, которым тот молотит направо и налево. Аллигатор сразу бросается назад, стаскивая отца обратно в воду. Отец его снова выволакивает, а разъяренный аллигатор опять тащит его в воду. Так они долго перетягивают друг друга, вспенивая воду и приводя в восторг зрителей, которые вопят и улюлюкают, приветствуя наше немудреное шоу.

В конце концов, отец одолевает Сета. Он отрезает ему путь к воде и забирается к нему на спину. И тут наступает мой черед. Тетя Хилола ударяет по клавишам каллиопы, раздается дикая музыка, и я, кувыркаясь, выбегаю на песок, не переставая улыбаться, даже когда приземляюсь на бронированную крокодилюю спину. От ее щитков у меня все ноги в синяках. Вблизи наши Сеты вполне симпатичные — у них серо-зеленые рифленые спины и лапы, как у древних ящеров. Отец незаметно обкручивает морду аллигатора черной изо-

лентой. А затем берет мои руки, поворачивает ладонями к зрителям и сцепляет их вокруг челюстей Сета. Я все улыбаюсь и улыбаюсь туристам, а сама чувствую, как у меня под ладонями напрягаются крокодильи челюсти, пытающиеся разорвать ленту. Отец кладет свои ручищи поверх моих, чтобы сделать вид, будто помогает мне. Ведь туристы платят деньги за острые ощущения.

Вероятно, я задремала, а очнувшись, услышала, как на ветру стучит входная дверь. Часы показывают 12.07. Когда была жива мама, для Осси установили комендантский час — десять вечера. Он так и не был отменен, но сейчас некому за этим следить. Осси позволяет Искусителю владеть ею по нескольку часов подряд. Меня страшно возмущает, что он увлекает сестру на болота. Я за нее ужасно переживаю. Сейчас она, наверное, уже где-нибудь в сосняке или на полпути к пруду. Но пойти за ней — значит нарушить правила игры. Я накрываюсь одеялом и закусываю губу. Неизрасходованный адреналин ударяет мне в голову. В следующую минуту я уже натягиваю кроссовки и, как одержимая, бегу к двери.

Ночью на болотах мигают причудливые огоньки. Длинные редкие облака затягивают небо, как огромная паутина, на которой каплями росы мерцают звезды. Крохотные самолетики с материка летят к желтой луне, запутываясь в паутине облаков. Выслеживать Оцеолу гораздо проще, чем ди-

ких зверей. Она протоптала в зарослях неровную тропинку. Меня обступает высокий тростник, шипящий на ветру, как тысяча ядовитых змей. Я постоянно оборачиваюсь, стараясь не терять из виду тускло светящихся окон дома.

В нескольких шагах от меня возникает силуэт Осси, пробирающейся сквозь кусты. С помощью горячей ложки и краски для яиц она превратила свои волосы в сиреневое облако. Оно тянется за ней, словно моя сестра стала жертвой неумелого изгнания дьявола. Сейчас главное — застигнуть Оцеолу врасплох, незаметно подкрасться к ней сбоку под покровом мангровых деревьев и, сделав рывок, неожиданно наброситься на нее. Иначе остановить ее невозможно. Сестрица моя девушка крепкая, весит под двести фунтов, у нее три лишних клыка и хватка ягуара. К тому же Осси во власти любовных чар. Когда на нее находит, она с бычьей силой стряхивает меня с плеч и, не глядя, переступает через мое тело.

Чем она собирается заняться с Искусителем? Чем вообще с ним занимается каждую ночь? Меня мучает скорее страх, чем любопытство. Сестра по пояс исчезает в зарослях меч-травы, превращаясь в опаловое пятнышко, движущееся к болотам. Иногда жужжание насекомых перекрывает рев диких аллигаторов. Довольно странный звук для подобных чудищ: протяжный и гортанный, он звучит жалобно и в то же время грозно, как голос отца, когда тот сердится. С тех пор как наш вождь

ухал, я часто слушаю эти вопли. Все-таки какое-то утешение.

Осси покидает царство лунного света и серебристого рогоза, исчезая под темным пологом мангровых деревьев. А потом вдруг возникает новый звук.

Я бреду по краю болота, не решаясь следовать за ней. И это уже не в первый раз. Здесь для меня своего рода географическая граница. В школе мы изучали широту и долготу, и я мучительно краснею оттого, что границы моей любви и смелости очерчиваются с такой проклятой точностью. Иду по невидимому пунктиру, стараясь разглядеть сестру в темноте. Ночь обволакивает меня темным сиропом, влажным и непроницаемым. Я стою неподвижно, пока Осси не исчезает из виду.

— Осси! — тихо зову я.

Испугавшись звука собственного голоса, я бегу обратно к бунгалу. В конце концов, это ее тело и она вольна распоряжаться им, как хочет. Ей самой нравится эта влюбленность. Как прикажете лечить пациента, который ни на что не жалуется?

Рев за моей спиной усиливается, и я прибавляю шаг.

Многие думают, будто аллигаторы подают голос лишь от голода или с тоски. Но эти люди явно не слышали этого красавца.

Наша шепелявая учительница естествознания любит повторять, что люди отличаются от зверей